8(C)=91.73
A98
KXJ

1-53367

Ш 8-333 Инв 2041
891.73
Ш-421
Инв-27 В
8/192
8(С)=91.73
А98
2375

БЫЛОЕ—Историческая Библиотека.

Ник. Ашешов.

Тарас Григорьевич ШЕВЧЕНКО

Жизнь поэта.—Его мировоззрение.—Его страдания.—
Его творчество.

Державна історична
БІБЛІОТЕКА УРСР

Редакция П. Е. Щеголева.

Державна історична
БІБЛІОТЕКА
м. Київ
Политическое
Объединение

ПЕТРОГРАД. 1919.
ИЗДАТЕЛЬСТВО БЫЛОЕ.

8(с) = 91.73 + 8(092)

доб. 92.

Гипография «**Научное Дело**» Загородный пр., 74 Тел. 19-30.

СОДЕРЖАНИЕ.

	стр.
На смерть Т. Г. Шевченки. Стихотворение Н. Некрасова . .	4
Глава I. Вместо введения	5
Глава II. Детские годы Шевченки	8
Глава III. Юные годы Шевченко	12
Глава IV. Свобода	14
Глава V. В Академии Художеств	17
Глава VI. Шевченко на Украине	19
Глава VII. „Общество св. Кирилла и Мефодия"	21
Глава VIII. Мировоззрение Шевченки	27
Глава IX. Тюрьма и ссылка	36
Глава X. В Оренбургских степях	39
Глава XI. В Новопетровском укреплении	43
Глава XII. В Петербург и в Петербурге	47
Глава XIII. Опять на Украине	49
Глава XIV. Последние годы жизни	50
Глава XV. Творчество Шевченки	56

На смерть Т. Г. Шевченко.

Не предавайтесь особой унылости:
Случай предвиденный, чуть не желательный,—
Так погибает по Божией милости
Русской земли человек замечательный.
С давнего времени: молодость трудная,
Полная страсти, надежд, увлечения,
Смелые речи, борьба безрассудная,
Вслед затем долгие дни заточения...
Все он изведал: тюрьму петербургскую,
Справки, допросы, жандармов любезности,
Все: и раздольную степь Оренбургскую
И ее крепость. В нужде, в неизвестности,
Жил он солдатом с солдатами жалкими,
Жил, оскорбляемый всяким невеждою;
Мог умереть, и, конечно, под палками;
Может, и жил только этой надеждою...
Но, сократить не желая страдания,
Поберегло его в годы изгнания
Русских людей провиденье игривое,
Кончилось время его несчастливое,—
Все, что он с юности ранней не видывал,
Милое сердцу его улыбалося;
Тут ему Бог позавидовал:
Жизнь оборвалася!

Н. А. Некрасов.

ГЛАВА I.

Вместо введения.

По истине, страшную повесть о жизни поэта, гражданина и человека мы расскажем на этих страницах нашим читателям...

Много мук и страданий знает прошлая русская жизнь в ее освободительных порывах к свету от кошмарного мрака самодержавия. Вечным ореолом является осиянной героическая работа деятелей свободы, бросавших к ногам деспотизма без сожаления даже собственную жизнь-самую величайшую ценность,—и пожирало эти жизни чудовище русской истории, иногда сразу, иногда медленно размалывая в своей пасти кости первомучеников и страстотерпцев освобождения родины.

И все же даже на фоне этого обильного кровью и страданиями мученичества жизнь Тараса Григорьевича Шевченко, бессмертного певца Украины и всего славянства, является исключительной. На его долю выпало слишком много терниев. Щедрой рукой сыпались на него злосчастье, горе, слезы, одиночество, сиротство, людское непониманье,—и как обычный удел всех рыцарей свободы,—тюрьма, ссылка, звереподобные жандармы, бичи и скор-

пионы собственной его императорского величества канцелярии

Мало было радостных просветов и счастливых промельков в жизни Тараса Шевченко. Раза два-три судьба улыбалась ему полной улыбкой счастья, но тотчас же посылала ему новую чашу, полную яда, и приходилось этому сироте русской жизни пить из нее полными глотками, судорожно вспоминая только что отлетевшие обманы жизни.

И это сознание, что он—баловень несчастья, что он—самый последний пасынок счастья, какой-то на чисто, догола обокраденный Богом и судьбою человек,—постоянно точило сердце поэта.

Неначе лютая змія
Разтоптана в степу здихає,
Захода сонця дожидає.

Сердце поэта болезненно переживает эти страдания:

мое побите,
Убоге серце, неукрите,
Голоднеє.

Это сердце рано познало усталость и за долго до своих больших и потрясающих страданий, Шевченко жаждал отдыха:

Засни, моє серце, на віки засни,
Невкрите, розбите. А люд навісний
Нехай скаженіє! Закрий, серце, очи!

И когда его звала муза, он чувствовал, что может дать ей только слезы. И он говорил о своем творчестве:

Я посію моі сльози,
Мої щирі сльози.

В своем классическом произведении, известном вся-

кому грамотному человеку, Шевченко за душу хватающими стихами оплакивает свой посев—свои слезы-свои думы.

Думи мої, думи мої,
Лихо мені з вами:
На-що стали на папери
Сумними рядами?
Чом вас вітер не развіяв
В степу, як пилину,
Чом вас лихо не приспало,
Як свою дитину?
Бо вас лихо на світ на сміх породило,
Поливали сльози... Чом не затопили,
Не винесли в море, не розмили в полі?
Не питали б люде, що в мене болить,
Не питали б, за що проклинаю долю,
Чого нужу світом... «Нічого робить»—
Не сказали б на сміх...
Квіти мої, діти!
На що вас кохав я, на що доглядав?
Чи заплаче серце одно на всім світі,
Як я з вами плакав?

Не напрасно однако кохал и любил поэт свои думы-слезы. Не одно, а тысячи и десятки, и сотни тысяч сердец плакало вместе с поэтом над его страданиями, над его переживаниями, над его думами о судьбах славной Украины, над его тоской о прекрасном прошлом его родины.

И к Шевченко можно отнести те слова, какие он вдохновенно писал Котляревскому, когда удивлялся, как он «всю козацкую славу одним словом перенес в убогую хату сироты». Поэт провещал:

Будеш, батько, панувати,
Поки живуть люде;
Поки сонце з неба сяє,
Тебе не забудуть.

Пока солнце сияет на небе Украины и всего славянства, до тех пор Шевченко и его поэзия будут «панувать» в думах людей и до тех пор его никогда не забудут люди...

Если поэт при жизни страдал великими страданиями одиночества, то после смерти он приобщился широко к жизни, и жизнь приобщилась к нему. Шевченко не один. С ним—его массовый читатель, с ним—сердце народное, с ним—любовь, та щирая любовь, которой поэт жаждал всю жизнь.

А теперь приподымем занавес над этой жизнью.

ГЛАВА II.

Детские годы Шевченко.

Украинская природа ласкова и нежна. Природа звенигородского уезда (Киевской губернии), где родился Шевченко, особенно ласкова и особенно уютна. Детские годы будущего поэта протекали среди полной свободы общения с природой. Предоставленный самому себе и считаясь лишь с мягким надзором за собой своей старшей сестры Екатерины (она была старше его на семь лет, а няньчиться с братом начала с тринадцатилетнего возраста), ребенок Тарас шатался по полям и лесам, где хотел и как хотел, и его пытливой созерцательности был дан широкий простор.

Родился он в первой четверти прошлого века, в 1814 г., в пышный расцвет крепостного права, особенно тяжко обрушившегося на свободную Украину. Родился и жил он в семье крепостных рабов: родители его были «крещенной собствен-

ностью» помещика Василия Энгельгардта, племянника всесильного екатерининского вельможи Потемкина. В тридцатых годах семья Шевченок по наследству перешла к сыну В. Энгельгардта-гвардии полковнику Павлу Энгельгардту, а затем, пред освобождением крестьян, к помещику Флерковскому.

Жизнь крепостной семьи складывалась так, как она обычно складывалась у всего многострадального тогдашнего крестьянства, и Шевченко впоследствии охарактеризовал эту жизнь одним словом: «пекло»—«ад»... Когда Тарасу было 8 лет от роду, в семье его было восемь человек и ни одного взрослого работника, кроме отца и матери. Работали на панов. Работали беспросветно.

И с этих лет впечатления крепостного права твердым, неразбиваемым пластом откладываются в душе Шевченко.

Он не любил говорить о своих детских годах: мало было радости говорить о безрадостных днях.

Но за то все его произведения дышат теми чувствами, какие выросли у него, несомненно, в эти детские годы под угрюмым ярмом крепостничества.

Эти горестные впечатления должны были усилиться оттого, что девяти лет от роду от Шевченко отлетели все бывшие возможными для него радости детства, то есть, прежде всего отошла от него его мать. Смерть матери перевернула вверх дном семейную жизнь Шевченок. Тарас сделался полусиротой, но вскоре почувствовал себя и полным сиротой... что бы остаться таким на всю свою жизнь.

Отец женился вторично. Мачеха привела с собой еще троих малолетних детей, и началось новое «пекло», новый ад, уже чисто-семейный. Мачеха оказалась типичной и заурядной мачехой, и на голову шаловливого, веселого,

бойкого Тараса начали валиться все беды от злых рук женщины. Тараса секли и не раз, и пребольно, и при том по несправедливым поводам. Единственным его утешением было участие старшей сестры Екатерины, которая, к его несчастью, вскоре была выдана замуж в другую деревню.

А когда Тарасу минуло 12 лет, отец его скончался, но пред смертью успел сделать все распоряжения по имуществу, высказав при этом интересное пророчество о своем сыне.

«Синові Тарасу за мого хазяйства ничего не треба, він не буде абияким чоловіком; з его будет обо щось дуже добре, або велике ледащо: для его моя спадщина або нічого не значитиме, або нічего не поможе».

Тарасу не нужно никакого добра, потому что из него выйдет или что-либо хорошее, или большой негодяй,—наследство для него ничего не составит или ничего не поможет,—таков был приговор отца, который верил, что его сын «обыкновенным человеком» ни в коем случае не будет.

Пророчество оправдалось. Шевченко сделался, действительно, необыкновенным человеком и по мощному духовному богатству своему, и... по своим несчастиям. Земные богатства его никогда не прельщали. Имущественное наследство, действительно, ему было ненужно...

Но за то после смерти отца Тарасу пришлось под кровлей у мачехи испытать еще много несчастий. Он оказался совершенно оброшенным сиротой. Был грязен, ходил в рубище и «запаршивел»... Он, правда, учился уже в церковной школе и промышлял даже своим умением «голосно» читать,—его приглашали, поэтому, читать над покойниками псалтырь... Но в школе он видел и испытал систематическое издевательство над личностью, постоянные

розги, побои, голод, заставлявший его красть с'естные продукты, дикое обращение и непосильную работу в роде носки дров.

Совсем зеленым был тогда Тарас, а коготки-то у него все же отростали. И тогда он уже пылал ненавистью к насильникам, коверкавшим его жизнь. И свое учение у вечно пьяного дьячка, его эксплоататора и мучителя, он закончил эффектным финалом: решив бежать от дьячка, Тарас, застав его пьяным, произвел над учителем своим ту экзекуцию, какую проделывал над Тарасом сам учитель слишком часто, т. е. выпорол дьячка. Эта была минута торжества Тарасова...

Тарас убежал в соседнее село к дьякону, малярствовавшему, а потому считавшемуся художником. В звенигородском уезде вообще процветало малярство, поэтому у Тараса с самых ранних лет обнаружилась страсть к рисованию. У своего пьяного первого учителя—дьячка он, как потом откровенно признавался, уворовывал пятачек, покупал на него бумаги, сшивал себе тетрадку и копировал в ней попадавшиеся ему портреты и рисунки.

Однако учение ни у дьякона-маляра, ни у другого такого же «художника»—в промежутке между этими двумя «учениями» Тарас безуспешно пытался сделаться пастухом, но обнаружил полнейшую бездарность в этой профессии,—не привели ни к каким результатам. За то неожиданным был конец его «художественных» исканий в другой области: когда второй маляр обратился к помещику за разрешением взять Тараса к себе в ученики, управляющий Энгельгардта, познакомившись с бойким и смышленным Тарасом, взял его к себе в придворную у пана челядь.

Шестнадцати лет от роду, Тарас попал в козачки к пану Энгельгардту—молодому.

ГЛАВА III.

Юные годы Шевченко.

Шестнадцатилетнего Тараса, у которого в это время обнаружилось неистребимое стремление к живописи, к рисованию, выражавшееся в том, что он всякими правдами и неправдами начал коллекцинировать рисунки всякого рода и перерисовывать их, этого шестнадцатилетнего Тараса определили в поварята. Плохим поваром оказался будущий поэт, и управляющий, поэтому, отправил его в Вильну к молодому Энгельгардту с советом отдать его на выучку к маляру.

Но помещик сделал его комнатным слугою-козачком. Однако будущий поэт и в этой области тоже никаких талантов не проявил, занятый своими рисунками. Дело дошло до того, что однажды, вернувшись с бала, помещик застал своего козачка за работой: тот перерисовывал ночью при свечке портрет. Пан разгневался, выдрал его за уши, а на другой день выпорол.

Затем он отправил Тараса в Варшаву на выучку к какому-то маляру, который добросовестно доложил вскоре пану о больших способностях к портретной живописи Тараса, рекомендуя отдать его в учение к известному тогда в Варшаве портретисту Лампи.

Здесь, быть может, и находился выход для Тараса и смена неудачных полос, наконец, удачными. Но готовилось польское восстание. Энгельгардт решил уезжать из революционно-настроенного края. Вместе с козачком своим он уехал в Петербург. И здесь Тарас был отдан на выучку к маляру Ширяеву.

Маляр Ширяев тоже был не находкой для Тараса. Грубый, невежественный цеховой мастер, он эксплоатировал своих учеников, которые должны были, по поручению хозяина, красить крыши, потолки, полы, заборы и т. п. Обращение было грубое и наглое. И здесь Тарас, которому уже шел 19-ый год, познал всю горечь подневольного пребывания в работниках. Если у барина ему жилось не сладко: его здесь и били, и пороли, и заставляли исполнять самые унизительные поручения, капризом приходившие в голову самодуру-помещику-крепостнику,—то и у Ширява было не слаще. Здесь та же грубость, издевательство над человеком. Порываниям к искусству, к живописи, к творчеству противопоставлялась грубая, нудная и никчемная работа, которая, отнимая все время, не давала никакой пищи уму и сердцу.

Жизнь не текла, развиваясь, а точно влеклась по острым каменьям, которые кололи, резали, рвали в клочья душу и сердце. И единственным утешением молодого маляра,—когда ему пошел уже и 23 год, к концу ученья у Ширяева, — было бегать в Летний сад и здесь в тиши и уединении срисовывать статуи. Искусство выше жизни и ее палачества. И молодой, неосознавший себя художник, неразвитой, почти невежественный, искал все же себе приюта там, где было хоть какое-нибудь искусство.

Этим Шевченко спасал свою душу. И точно судьба сжалилась в этот момент над богато-одаренным юношей и послала ему настоящую свою улыбку, настоящий солнечный луч, ярко Шевченке засиявший.

Шевченко, действительно, спасал свою душу в Летнем саду. Здесь он, благодаря случайности, познакомился со своим земляком, тоже художником, и отсюда начинается новая полоса жизни Шевченко, когда ему довелось спасти

и свое тело от кабального рабства у помещика-крепостника. И открыть двери вообще в новую жизнь, на пороге казавшуюся ему очаровательно-прекрасной.

В Летнем же саду его впервые стала посещать муза. Светлые, прозрачные ночи, очаровательные своей благостной тишиной, своими озарениями, игрою матовых, таинственных красок и светотеней, разбудили в сердце поэта неизбывную тягу к творчеству.

Здесь он начал писать. Вспоминал-ли он в эти светлые ночи свою милую возлюбленную Украину с ее темными звездными, теплыми ночами, глубоко задумчивыми и ласковыми? Тоска-ли, рожденная в такие минуты сравнений и воспоминаний, подтолкнула его руки к лире? Или думы-слезы, давно уже накопившиеся в душе еще раба, теперь, наконец, не выдержали, хлынули через край, и нервное перо заскользило по бумаге?

В Летнем саду, в Петербурге, в светлые ночи родился великий поэт...

ГЛАВА IV.

Свобода.

В Летнем саду Шевченко познакомился с художником Сошенко, таким же бедняком и горемыкой, как и Шевченко, но за то свободным от крепостных уз. Это знакомство составило эпоху в жизни Шевченко. Сошенко полюбил своего земляка от всей души и, сознавая весь ужас его рабского состояния, решил всеми доступными средствами помочь ему.

У Сошенко были знакомства в Петербурге в кругу украинцев-художников, писателей и чиновников. С ними он

познакомил и Шевченко. В судьбе молодого раба вскоре приняли участие такие знаменитости, как художники Венецианов и Брюллов, поэт Жуковский, писатель Гребенка, затем конференц-секретарь академии художеств Григорович и др. Вся эта интеллигенция отлично понимала положение талантливого, но заедаемого средой художника-украинца и всячески старалась облегчить его участь. С Ширяевым вошли в переговоры, и маляр-подрядчик, ворча на баловство, все же согласился предоставить некоторые льготы своему законтрактованному ученику. Затем он дал Шевченке месячный отпуск, который Шевченко использовал для занятий в залах Общества Поощрения Художеств.

Но этого было мало. Талантливый раб все же оставался рабом, связанным по рукам и ногам и располагавшим слишком небольшим досугом, что бы поработать над собой в отношении развития духовного и художественного. И тогда тот же кружок решил вырвать его из рук помещика. Были предприняты дипломатические шаги, велись переговоры с Энгельгардтом, но тот смотрел на вещи грубо и, разговаривая пренебрежительно с теми знаменитостями, которые являлись к нему предстательствовать за Шевченко, прямо «заломил» 2. 500 рублей за его освобождение.

Скорбные дни потянулись для поэта. Он уже приобщился к новой жизни, увидел свет, тепло и ласку культурных, образованных и гуманных людей. Пред ним заманчиво раскрылись новые горизонты художественной и духовной работы, засияли идеалы полного обновления и перерождения в новой жизни.

Еще в Варшаве он испытал первое чувство любви к женщине. У него был роман с одной молодой полькой, повидимому, гордой и свободной. И вообразите положение

влюбленного юноши, которому, быть может, бросали обидное слово «хлоп»...

Уже тогда Шевченко не мог не познать всей трагической горечи своего положения и не устремиться всеми фибрами своей души к свободе. Но рабство держало его на короткой узде. Выхода не было.

Если он затаил в душе глубоко чувства неразделенной любви, то как ему было мириться теперь с положением раба, когда он, благодаря Сошенке, Брюллову, Жуковскому, отведал сладкой жизни свободных людей, увидел свободное творчество свободных людей и, чувствуя в себе зовы этого творчества, принужден был заглушать их?

Свет не без добрых людей. Шевченко вскоре после своего месячного отпуска заболел тифом, а пока он болел, план освобождения раба был составлен и приведен в исполнение. Брюллов написал портрет Жуковского. Портрет этот был разыгран при участии «Высочайших Особ» в лотерею, и была собрана благодаря этому сумма, которой насытилась душа рабовладельца Энгельгардта. Отпускная была дана. На ней значилась подпись Энгельгардта и подписи двух свидетелей, ратовавших в особенности за освобождение Шевченки—Жуковского и графа Вельегорского. Сошенко, получив для Шевченки отпускную, благоговейно поцеловал ее несколько раз.

Самому отпущенному только что рабу не решались, в виду его болезни, сообщить сразу радостную весть. Но она дошла к нему кружным путем, через Ширяева. Шевченко заливался слезами радости, и когда лично получил отпускную, то по нескольку раз в день вынимал ее из кармана и целовал, крестясь...

Шевченко получил свободу 22 апреля 1838 года. Вскоре он был определен пансионером Общества Поощрения Худо-

жеств, сделался учеником академии, и Брюллов взял его к себе в ученики, высоко ценя его дарования. Из гнусной конуры маляра Ширяева, Шевченко перешел в светлую студию Брюллова. Это было похоже для Шевченки на сказку.

Шевченке тогда исполнилось 24 года...

3350-2915

ГЛАВА V.

В Академии Художеств.

Шевченко поселился у своего друга и спасителя Сошенко. Стал работать в академии, но нельзя сказать, чтобы эта работа особенно спорилась. Шевченко весь отдался чувству радостной свободы. Он стал хорошо одеваться — хорошее платье было, ведь, для него эмблемой свободы. Стал усердно посещать многочисленных знакомых, чем вызывал нарекания своих друзей. Но все же Шевченко усердно работал над собой. Совершенно необразованный, он должен был в 24 года ускоренным темпом нагонять опущенное время и торопливо заполнять сплошные пробелы, сплошное невежество — знаниями.. И он много читал, с особенной любовью изучая историю родной Украины....

В тоже время он, помимо работы у Брюллова, слушал лекции, брал уроки французского языка и усердно посещал театр. Материальные дела Шевченко были в то время, конечно, неблестящи. Существовал он частными заказами и работами, писал преимущественно портреты, за которые ему не всегда платили даже богатые люди. К тому же Шевченко был хорошим и щедрым товарищем и делился со своими друзьями последним.

Державна історична
БІБЛІОТЕКА УРСР

Шевченко делал заметные успехи в академии художеств. И уже в апреле 1839 года ему была присуждена медаль за рисунок. Но у него, как художника в тесном смысле этого слова, был конкуррент—и при том весьма серьезный-художник-поэт, родившийся в светлую петербургскую ночь.

Порыв и зовы к поэтическому творчеству говорили в Шевченко слишком властно. И он не мог побороть этих стремлений, казавшихся даже таким его друзьям, как Сошенко, «ненужным делом».

Вспоминая через 20 ет время своей работы в мастерской у Брюллова, сам Шевченко говорит, что он в этом художественном «святилище» занимался сочинением стихов. Пред дивными произведениями Брюллова Шевченко задумывался о своем творчестве и лелеял в своем сердце образ слепца-кобзаря и своих излюбленных и возлюбленных гайдамаков, о которых ему много рассказывал его старый дед.

«В тени его (Брюллова) изящно-роскошной мастерской,—говорит Шевченко,—как в знойной степи надднепровской, передо мною мелькали мученические тени бедных гетьманов. Передо мною расстилалась степь, усеянная курганами. Передо мною красовалась моя прекрасная, моя бедная Украина во всей непорочной, меланхолической красе своей. И я задумывался. Я не мог отвести духовных очей от этой родной чарующей прелести... *Призвание* и ничего больше».

Это было неизбывное *призвание*, и поэт ему отдавался в ущерб своим работам в академии художеств. Но «над вольной мыслью Богу неугодны насилие и гнет», и естественно, что Шевченко стал усердно писать...

И опять его друзья, в роде киевского помещика Мартоса, проведали об этом и тотчас приложили все усилия, что бы

поэзия Шевченко была явлена миру, а не валялась, в форме клочьев бумаги, на полу в его убогой квартире.

И таким образом родился на свет первый Шевченковский «Кобзарь». Он был напечатан и вышел в свет в начале 1840 года, и в состав его вошли знаменитые «Думи мої, думи мої», «Перебендя», «Катерина» (посвященная Жуковскому в память дня выкупа Шевченко), «Тополя», «На що мені чорни брові», «До Основьяненка», «Иван Підкова» и «Тарасова ніч».

И тотчас из Украины донесся для радовавшегося слуха Шевченки взволнованные прекрасные слова старого украинского писателя Квитки: «когда мы с женою начали читать («Кобзаря»), волосы на голове поднялись, в глазах зеленело, а сердце как-то болит. Гляжу—жена плачет... Я прижал вашу книгу к сердцу; ваши мысли ложатся на сердце... Хорошо.... Очень хорошо.... больше не умею сказать»....

ГЛАВА VI.

Шевченко на Украине.

«Кобзаря» приветствовали все украинцы, но русская литературная критика отнеслась к нему отрицательно. Между тем, вслед за «Кобзарем», отдельными изданиями вышла его «Катерина», а потом большая и знаменитая поэма «Гайдамаки», с величайшим трудом пропущенная цензурой. Отрицательные отзывы критики сбили было Шевченко с пути национального творчества, и он стал писать по великорусски, что, впрочем, не дало хороших результатов. Однако мысли о родине не покидали его, и он затеял очень интересное издание «Живописной Украины»—иллюстраций исторической и бытовой жизни родины поэта. А

Эта мысль естественно должна была вызвать немедленно желание поехать теперь на Украину уже свободным человеком, и летом 1843 года Шевченко провел несколько месяцев в своих родных местах. Здесь он бывал у своих петербургских знакомых Тарновских, затем познакомился с семьей Репниных. С дочерью князя Репнина, Варварой Николаевной, поэт сошелся очень близко. Они сделались друзьями, и часто Репнина откровенно критиковала тот образ жизни, какой позволял себе вести поэт.

На Украине его баловали. Его всюду встречали, как почетного гостя, и здесь Шевченко мог залечить раны, нанесенные его самолюбию несправедливостью русской критики. В честь поэта устраивались вечера, банкеты; на него, как на знаменитость, приезжали смотреть издалека. Вел он здесь рассеянную жизнь, даже посещал членов общества «мочемордия», предававшихся угарному пьянству, за что ему доставалось весьма от В. Н. Репниной. Но за то он вдоль и поперек из'ездил родные места и, вспоминая про эту поездку через год, писал одному из своих друзей, что он посетил Межигорского Спаса и Хортицу, «был везде и везде плакал»...

И писал, писал опять на родном языке, который он вновь обрел у себя на родине. Ее он опять посетил через год, петербургское свое пребывание использовав для «Живописной Украины» и издав в ее серии три эстампа. Академия уже второй раз венчала его работы медалью. Затем предполагалась даже командировка его за границу. В марте 1845 года Шевченко был удостоен звания свободного художника и решил вновь уехать на Украину и на этот раз уже на долго. Повидимому, у Шевченки созрел тогда план посвятить свою жизнь только Украине...

С весны 1845 года Шевченко начинает систематиче-

ский об'езд своей родины. Он живет подолгу в своей родной деревне, а затем посещает Чернигов, Нежин, Полтаву и другие города, всюду занимаясь срисовыванием наиболее ценных исторических памятников.

Чтобы окончательно обосноваться в Киеве, где его боготворила студенческая молодежь и где он нашел круг людей, политически солидарных с ним, Шевченко определен был, стараниями своих друзей, художником в комиссию для разбора древних актов, учрежденную в 1843 г. и реорганизованную в 1845-м, когда ей поручено было заняться разысканием и собиранием местных археологических и исторических памятников. Таким образом теперь Шевченко мог и по своим служебным обязанностям колесить вдоль и поперек Украину, что только соответствовало его самым затаенным желаниям.

ГЛАВА VII.

«Общество Св. Кирилла и Мефодия».

В Киеве круг знакомств Шевченко увеличивался с каждым днем. Через Кулиша, который тогда был учителем в дворянском училище, он познакомился как с влиятельными в Киеве людьми, в роде правителя канцелярии генерал-губернатора Писарева, помощника попечителя учебного округа Юзефовича, бывшего ректора университета Максимовича и т. п., так и с учащейся молодежью, во главе с Пильчиковым, Марковичем, Андрузским и др.

«Молодежь эта,—рассказывает Кулиш,—была глубоко просвещена святым Писанием и воспитана в духе высокой чистоты духовно-нравственной. Апостольство любви к ближнему доходило у нее до энтузиазма. И потому, когда она

услыхала песни Шевченко, она восприяла их, как гол воскресающей трубы архангела. Если когда-либо было ворено по истине, что сердце ожило, что загорелись гла и над челом у человека засиял пламенный язык, то э было в Киеве в 1845 году. Среди этой молодежи родила мысль проповедовать среди помещиков освобожден крестьян посредством христианского и национально просвещения. Они желали и надеялись посредством нау и поэзии вдохновить лучших людей из среды помещико

«Для такой молодежи Шевченко был человеком ж ланным; будто само небо посылало его, и молодежь гл дела на него, как на светильник небесный. И такой взгл был совершенно справедливый. О великом духе Шевчен можно сказать, что это был светильник, «горяй и светяй Шевченко явился среди нас, как видимое оправдание вдо новения нашего свыше».

Произведения Шевченки и вообще имели колоссальны успех у молодежи того времени. Их читали, их перепи сывали. Ради Шевченки специально изучали украинск язык...

В этот момент происходит сближение между Шевченк и Костомаровым, которое имеет решительное влияние н судьбу украинского поэта.

Костомаров осенью 1845 года перешел из Волыни Киев учителем 1 гимназии, и с Шевченко его познакоми Кулиш. Сближение поэта с историком началось с весн 1846 года. На Костомарова произвели сильнейшее впечат ление стихотворения Шевченки, которые он читал ем с увлечением. Сойдясь вскоре на «ты», они сделались уж тесными друзьями и вскоре испытали все ужасы идейны гонений николаевских жандармов на все живое, честно и активное в жизни.

Повидимому, между Шевченко и Костомаровым установилось полнейшее идейное сродство. И нужно думать, что друзья вдвоем обсуждали план создания того общества, за которое им пришлось так сурово поплатиться.

Друзьям, повидимому, и сговариваться-то не пришлось. Их воззрения сходились близко. И поэтому, когда Костомаров написал устав и главные правила «Общества св. Кирилла и Мефодия», то Шевченко не пришлось убеждать для того, чтобы он вступил в число членов общества.

Основной мыслью и задачей общества было единение славян. Шевченко же за долго до встречи с Костомаровым пришел совершенно самостоятельно к идее всеславянского об'единения. И в «передмові» к «Гайдамакам» еще в 1841 году он писал: «нехай житом-пшеницею, як золотом покрыта, неразмежованою останется на віки од моря і до моря славянская земля». Что касается политических взглядов, то, как мы увидим ниже, и в этой области Шевченко был вполне зрелым гражданином.

В уставе общества, состоявшем из шести параграфов, устанавливаются следующие основные положения, как символ веры для членов братства.

Духовное и политическое соединение славян есть истинное их назначение, к которому они должны стремиться. Каждое славянское племя должно иметь свою самостоятельность. Каждое племя должно иметь правление народное и соблюдать совершенное равенство граждан по их рождению, христианским вероисповеданиям и состоянию. Правление, законодательство, право собственности и просвещение у всех славян должно основываться на святой религии Господа нашего Иисуса Христа. При таком равенстве образованность и чистая нравственность должны служить условием

участия в правлении. Должен существовать общий славянский собор из представителей всех племен.

В главных правилах общества указывается, что распространение всех вышеуказанных идей совершается путем воспитания юношества, литературы и умножения числа членов общества. Общество именует своими покровителями святых просветителей Кирилла и Мефодия и принимает своим знаком кольцо или икону с именем или изображением этих святых. Каждый член общества приносит присягу при поступлении употреблять дарования, труды, состояние и общественные связи свои для целей общества, и ежели бы какой член претерпел гонение и даже мучение за принятые обществом идеи, то, по данной присяге, он не выдает никого из членов своих братий. Общество будет стараться заранее об искоренении рабства и всякого унижения низших классов, равным образом и о повсеместном распространении грамотности.

Из рукописей, которые были найдены у членов Кирилло-Мефодиевского общества, характерны две прокламации, обращенные одна—к украинцам, другая к великороссам и полякам.

В прокламации к украинцам читаем:

«Братья украинцы!

«Это рассуждение предлагаем вам перед глаза и даем на размышление: хорошо-ли так будет, как эти пункты скажут?

1) Мы принимаем, что все славяне должны между собою соединяться.

2) Но так, чтоб каждый народ составлял особенную Речь Посполитую и управлялся неслитно с другими, так, чтоб каждый народ имел свой язык, свою литературу, свое общественное устройство. Такими народами признаем

великороссиян, украинцев, поляков, чехов, лутичан, хорутан, иллиро-сербов и болгар.

3) Чтоб единствовал сейм или славянское собрание, где бы сходились депутаты от всех республик славянских и там рассуждали бы и решали дела, которые относятся ко всему союзу славянскому.

4) Чтоб в каждой республике был правитель, избранный на время, и над целым союзом был такой же правитель, выбранный на время.

5) Чтоб в каждой республике было всеобщее равенство и свобода и никакие различия сословий.

6) Чтоб депутатами и чиновниками делали не по происхождению и не по имуществу, а по уму и образованности, народным выбором.

7) Чтобы вера Христова была основанием законодательства и общественного порядка в целом союзе и в каждой республике.

«Вот, братья, украинцы, жители Украины обеих сторон Днепра, мы даем вам это на размышление; прочитайте со вниманием и пусть каждый думает, как достигнуть этого, и как бы лучше сделать. Много голов, много умов,—говорит пословица. Если вы об этом станете прилежно думать, то, когда придет пора вам *заговорить* об этом, Господь дарует вам смысл и уразумение».

Прокламация к великороссиянам и полякам гласит:

«Сие глаголет к вам Украина, нищая сестра ваша, которую вы распяли и растерзали, и которая не помнит зла и соболезнует о ваших бедствиях, и готова проливать кровь детей своих за вашу свободу. Прочитайте послание это братское, обсудите важное дело вашего общего спасения, восстаньте от сна и дремоты, истребите в сердца ваших безрассудную ненависть друг к другу, восженную

царями и господами, на общую гибель нашей свобод
устыдитесь ярма, которое тяготит ваши плечи, устыдите
собственной своей испорченности, предайте прокляти
святотатственные имена земного царя и земного госп
дина, изгоните из умов ваших дух неверия, занесе
ный от племен немецких и романских, и дух закоснелост
вдохнутый татарами, облекитесь в свойственную славяна
любовь к человечеству, вспомните также о братьях ваши
томящихся и в шелковых цепях немецких, и в когтя
турецких, и да будет целию жизни и деятельности каждог
из вас: славянский союз, всеобщее равенство, братств
мир и любовь Господа нашего Иисуса Христа. Аминь».

Таковы были планы, цели и намерения общества,
которому, не смотря на краткость существования, примкнул
около ста лиц из киевской интеллигенции. Самого Шев
ченки не было в Киеве, когда было положено основани
этому обществу и одобрен был устав. Шевченко вообщ
был в это время в раз'ездах и только наезжал в Киев
Формально вступил он в общество в конце апреля 184
года. Лето и осень он провел в поездках. А на Рождеств
в Киеве собрались все братчики-члены Кирилло-Мефодиев
ского общества, и горячо, особенно Шевченко, говорил
о своих пламенных задачах и идеалах. В январе Шевченк
поехал на свадьбу Кулиша, у которого был решен тогда ж
вопрос о поездке Шевченки за границу, что окрылило ег
новыми надеждами. К этому времени состоялось уже
назначение Шевченки преподавателем рисования при киев
ском университете. Все складывалось благополучно...

Но судьба Шевченки была всегда злосчастной.

5-го апреля 1847 года Шевченко приехал в Киев и бы
арестован уже на пристани...

ГЛАВА VIII.

Мировоззрение Шевченки.

Шевченко с легкостью сердца вошел в Кирилло-Мефодиевское «преступное сообщество». Когда, где и как почерпнул он свои взгляды, позволившие ему перейти границу легального и стать на путь «государственного преступления»?

Сделала это сама жизнь. Шевченке пришлось слишком много пережить, перечувствовать и передумать самому в тайниках души своей, чтобы нуждаться в каком-либо раскрытии истины пред его очами.

Он знал злую неволю с самых ранних лет, когда видел ужасы крепостного права. Он испытал на себе все унижения человеческой личности и от мачехи, и от своих учителей, и от наставников, и от своего помещика, и от своего мастера-хозяйчика. Он изведал первую пламенную, юношескую любовь, находясь в цепях и видя, что они, эти цепи, заказывают ему все пути к свободному счастью с любимой женщиной. Он рвался к искусству и науке, а на пути стояло гнусное рабство. Он видел привольную барскую жизнь, питавшуюся кровью и потом крестьян. Он наблюдал все мрачные кошмары принудительной солдатчины. Умный и любопытный, он с ранних лет не мог не видеть той мрачной нити, которая снизу—от несчастных крестьян чрез помещиков и всякого рода властей, ведет на верх—к престолам царей.

Когда были сброшены цепи рабства, и Шевченко сделался свободным, когда в беседах со своими друзьями-книгами и друзьями-людьми он стал расширять свой кругозор и видеть вещи в их правдивом свете, та ненависть, которая

бессознательно, но глубоко внедрилась в его сердце, сделалась углубленнее, умудреннее, принципиальнее. Бродившие в голове мальчика и юноши идеи собрались «до купы», систематизировались, прониклись единством мысли и миропонимания.

И эта работа была самостоятельной. Замечательно, что при обилии воспоминаний о Шевченко, никто определенно не говорит о том, что бы в политическом отношении на него влияли те или иные лица. К тому же круг его знакомств, как в Петербурге и Москве, а затем и на Украине, составляли люди в лучшем случае благородно-гуманитарного и либерального направления, чуждого, следовательно, радикализма логических выводов до конца.

Шевченко сам выработал в себе свои взгляды политического радикала и республиканца. Его привели к этой программе ненависть к строю, которую он взял в свою душу, как единственный ответ на все неправды и зло жизни,— и любовь к народу и своей родине. И не даром те же воспоминания, к сожалению, по проклятым цензурным условиям прошлого, далеко не полные и умалчивавшие именно о самой важной стороне духовной жизни поэта-политической, отмечают все таки, что при всех спорах и дебатах в обществе Шевченко поражал всех резкостью и определенностью своих воззрений.

Прежде всего Шевченко не мог говорить хладнокровно о крепостном праве. И не только говорить. Когда на Украине, при посещении помещиков, он видел факты помещичьего насилия над крепостными крестьянами, он тотчас порывал отношения и знакомство с насильником..

И в произведениях Шевченко, там, где он касается крепостного права, перо его точно пропитывается святым гневом и приобретает новые краски.

Латану свитину з каліки здіймають,
З шкурою здіймають, бо нічим обуть
Панят недорослих. А он роспинають
Вдову за подушне, а сина кують,
Єдиного сина, єдину дитину,—
Єдину надію—: в військо оддають,
Бо его, бач, трохи... А он-де під тином
Опухла дитина голодная мре,
А мати пшеницю на панщині жне.

И обращаясь к Господу Богу, поэт восклицает:

Даєшь ти, Господи єдиный,
Сади панам в твоїм раю,
Даєшь високиі палати:
Пани ж неситиі, пузаті
На рай твій, Господи, плюють,
І нам дивитись не дають
З убогоі, малоі хати.

Паны даже Бога украли:

Чи в_вас есть Бог який-небудь?
В нас його немає:
Пани вкрали, та в шкатулі
У себе ховають.

И понятно, что поэт мог посылать только проклятия представителям крепостного права, когда ездил по Украине.

Блукав соби, молився Богу,
Та люте панство проклинав,

Но проклиная панство, поэт сознавал, что все корни зла внедрены глубже, у самого царского престола...

Когда начал писать Шевченко свои произведения с политическим характером-неизвестно. Первое произведение такого рода помечено 8 июля 1844 года. Но, вероятно,

это не первый памфлет: поэту приходилось, вероятно, скрывать свои «пісни-сльози».

Во всяком случае к этому моменту Шевченко рассуждает уже, как ярый ненавистник царской власти, как убежденнейший республиканец, который обычно плачет над жизнью горько, но весело смеется, когда говорит о восстаниях, волнениях, народных движениях и прочих проявлениях революционных стремлений к обновлению жизни.

И когда его дед рассказывал про гайдамачину, про народный бунт против панов и их сообщников-евреев, то у деда

Столітнії очі як зорі сияли,
А слово за словом сміялось, лилось...

И этот смех дед передал и своему внуку, который в «Гайдамаках» радостно воспевал гайдамацкие расправы с врагами народными...

В 1844 году Шевченко написал свой знаменитый «Сон». И поставил в нем точки над «і» своего отношения к царской власти. И с этого момента всегда, везде и всюду для поэта царь-только «кат»-палач.

Поэт рассказывает, как видел он во сне город, в котором

Церкви та палати,
Та пани пузаті.

На площади иллюминация и масса народу. Был парад царский. Поэт проникает во дворец и видит самого царя и царицу:

...аж ось и сам,
Високий, сердитий,
Выступа. Обік його
Жіночка небога,
Мов опеньок засущений,

Тонка, довгонога,
Та ще й на лихо сердешна
Хита головою.

И поэт изумлен:

Так отсе-то та богиня?!
Лишенько з тобою!
А я, дурний, не бачивши
Тебе, цяцю, й разу,
Тай повірив тупорилим
Твоім віршомазам!

Около царя и царицы—придворная свора сановников

За панами панства, панства
У сріблі та златі!
Мов кабани годовані,
Пикаті, пузаті!

Эти „кабани“ потеют, толпясь поближе к царю, в надежде получить от него плюху или кукиш, хоть полкукиша, лишь бы только к самому лицу....

Царь неожиданно подходит к одному из сановников и, наносит ему удар в лицо. Радостный сановник, в свою очередь, бьет меньшего по чину и так далее, пока эти взаимные удары не выходят на улицу, и чиновники начинают бить народ, восклицающий:

«Гуля наш батюшка, гуля!
Ура! ура! ура—а—а!

Поэт пошел после этого осматривать город и на берегу видит памятник с надписью: «Первому Вторая»: Екатерина Вторая—Петру Первому.

Тепер же я знаю:
Се той П е р в и й, що роспинав

Нашу Україну,
А Вторая доконала
Вдову-сиротину.

И возмущенный Шевченко восклицает:

Кати, кати, людоіди!
Наілись обоє,
Накралися, а що взяли
На той світ з собою?

Шевченко вспоминает, как по приказу Петра I, десятки тысяч козаков с Украины посылались в северную столицу для тяжких работ, и благородные козачьи кости засыпали собою болота.

Веселися, лютий кате,—

говорит Шевченко, обращаясь к Петру Великому,—

Проклятий, проклятий!

А Екатерина Великая—

.... тая цариця
Лютий ворог України,
Голодна волчица.....
На тій Україні,
На тій самій, що з тобою
Ляха задавила,
Байстрюки Єкатерини
Сараною сіли..

А обращаясь к современному царю, к тому Николаю, который так жестоко покарал Шевченко, поэт говорит иронически, характеризуя систему царского управления страною:

.... указ надрукують:
«По милости Божій
І ви—Наші, і все—Наше,
І гоже, і негоже....

В «Кавказе», написанном в 1845 году, Шевченко протестует против завоевательных царских экспедиций, имевших целью ограбить горцев. И посвящая это стихотворение памяти своего друга, убитого как раз при покорении Кавказа, Шевченко с горечью говорит:

....Не за Україну
А за ii ката довелось пролить
Кров добру, не чорну....

И на войны коронованных царей, поэтому, Шевченко смотрел только, как на собачью грызню из-за кости:

....Катй вінчанні,
Мов пси голодні за маслак,
Гризуться знову...

В большой поэме «Цари» Шевченко рассказывает некоторые библейские эпизоды и эпизоды из русской истории, в которых цари фигурируют, как развратники и преступники, и восклицает:

Бодай кати іх постинали
Оттих царів, катів людських!

О, глупые люди,—восклицает поэт,—

На-що здалися вам царі?

Цари есть, но надо с ними покончить.

Чи буде суд, чи буде кара
Царям, царятам на землі?

Шевченко, как когда-то Радищев, мечтает о той минуте когда

....люде тихо,
Без всякого лихого лиха,
Царя до ката поведуть.

Тогда настанет час рождения республики, о которой страстно мечтает поэт:

....коли
Ми діждемося Вашингтона
З новим і праведним законом?
А діждемось таки колись!...

Понятно, что и к властям земным Шевченко относится с величайшим негодованием, в особенности резко осуждая украинцев, перешедших на службу к царю:

Раби з кокардою на лобі,
Лакеї в золотій оздобі,
Онуча, сміття з помела
Його Величества.....

Не смотря на внешнюю религиозность, Шевченко и к церкви, а особенно к попам относился революционно. И цари, и попы для него одинаковая выдумка для того, что бы держать людей в «кайданах, неволи, тюрьмі». А незадолго пред смертью Шевченко резко предсказывал, что не вечно свет ясный, тихий, вольный будет окован, закрыт багряницами и добит распятием. Нет, не добит! Придет время, и мы, братья, будем из багряниц драть онучи, из кадил закуривать трубки, явленными иконами топить печи, а кропилом подметать новую хату.

За то какими яркими красками он описывал революционные восстания украинского народа. Его классическая поэма «Гайдамаки» в этом отношении весьма примечательна. Поэт изливает здесь всю свою желчь на панов и их верных агентов-евреев и восторженно, в сущности, описывает все сцены массовых убийств... Он видел здесь вдохновение народа, борющегося за свою свободу, потому, что верил только в революционную силу переворотов. И

образы Залізняка и Гонты у него величественно-ярки, потому что в них отразилось вдохновение всего народа, со стягами свободы боровшегося за себя и свою волю, и веру.

Ни на что другое Шевченко и не надеялся. Когда в 1858 году все в Петербурге было полно толками о близком освобождении крестьян, Шевченко писал, что не стоит ждать добра и воли. Она заснула:

...царь Микола
Ii приспав, а щоб збудить
Хиренну волю, треба миром,
Громадою обух сталить,
Та добре вигострить сокиру,
Та й заходиться вже будить.
А то проспить собі, небога,
До суду божого страшного:
А панство буде колихать,
Храми, палати мурувать,
Любить царя свого пьяного
Та византійство прославлять,
Тай більше, бачиться, нічого!

И не даром в своем «Заповіті» поэт просит похоронить его на милой Украине, на горе, около Днепра. И поэт говорит, что он пойдет к Богу только тогда, когда понесет Днепр вражескую кровь в море,—и в заключение обращается с таким своим заветом:

Поховайте та вставайте,
Кайданы порвіте,
І вражою, злою кровью
Волю окропіте....

Мы знаем, какую кровь и какого врага поэт имел в виду...

ГЛАВА IX.

Тюрьма и ссылка.

В Кирилло-Мефодиевское общество случайно втерся студент Алексей Петров, который вскоре и донес начальству про революционное братство, разукрасив свой донос всякими былями и небылицами. Все известные Петрову члены общества: Костомаров, Гулак, Белозерский, Кулиш, Шевченко, Андрузский, Навроцкий и Посяда были арестованы, и началось дело в знаменитом третьем отделении собственной его императорского величества канцелярии.

Петров, к счастью, вступил в общество недавно, осведомлен был плохо и, повидимому, был человеком мало развитым, а потому и не мог использовать своих шпионских способностей полностью. Поэтому следствие направилось по пути, не особенно страшному для всех привлеченных вообще. И в заключение была вынесена царская резолюция, согласно докладу шефа жандармов, довольно мягкая, принимая во внимание вообще свирепость самого Николая I и его приспешников по жандармской части.

Лучше всех на допросах держался Гулак, упорно молчавший и никого и ничего не выдававший. Скверно вел себя Костомаров, весьма откровенно рассказывавший обо всей этой истории и выразивший в довольно рабских словах свое раскаяние.

С достоинством держался Шевченко. Хорошо ориентировавшись среди обвинения и предполагая совершенно справедливо, что Петров не мог знать ничего существенного о Шевченке, поэт держался системы отрицания.

Но у него, к несчастию, нашли поличное, обличающее его в тяжком преступлении, в одном из тех преступлений

за которые никогда Николай I не прощал и за которые всегда мстил самым жестоким образом: у Шевченки был найден «Сон,» в котором Николай не мог не прочитать оскорбления собственной своей особы.

Шевченке был задан такой вопрос:

«Какими случаями доведены вы были до такой наглости, что писали самые дерзкие стихи против Государя императора, и до такой неблагодарности, что сверх великости священной особы монарха, забыли в нем и в августейшем семействе Его лично ваших благотворителей, столь нежно поступивших при выкупе вас из крепостного состояния?

Шевченко отвечал:

«Будучи еще в Петербурге, я слышал везде дерзости и порицания на Государя и правительство. Возвратясь в Малороссию, я услышал еще более и хуже между молодыми и между степенными людьми; я увидел нищету и ужасное угнетение крестьян помещиками, поссесорами и экономами-шляхтичами, и все это делалось и делается именем Государя и правительства; я всему этому поверил, забыв совесть и страх Божий, дерзнул писать наглости против моего благодетеля, чем довершил свое безумие».

Ответ Шевченко, с одной стороны, является весьма хитрым. Поэт не признает прямо и непосредственно своей вины, а главное прямо не выражает своего раскаяния. Он констатирует свою «дерзость» и «наглость», забвение совести и страха Божьего, но ни слова раскаяния не вырвали из его уст жандармы.

С другой стороны, в самоосуждении Шевченки есть и весьма прямое и яркое обвинение самой же власти в злоупотреблениях, угнетении крестьян и в их нищете. Таким образом, Шевченко тешил свою душу: он, конечно дер-

зок и нагл,—но власти, действующие именем государя, заставили его признать справедливость всех нападок на монарха и правительство ..

В конечном результате Шевченко был признан невиновным в принадлежности к Кирилло-Мефодиевскому обществу, но все же против него были формулированы весьма тяжелые обвинения.

«Шевченко,—гласит докладная записка шефа жандармов,—вместо того, что бы вечно питать благоговейные чувства к особам августейшей фамилии, удостоившим выкупить его из крепостного состояния, сочинял стихи на малороссийском языке, самого возмутительного содержания. В них он то выражал плач о мнимом порабощении и бедствиях Украины, то возглашал о славе гетманского правления и прежней вольнице казачества, то с невероятной дерзостью изливал клеветы и желчь на особ императорского дома, забывая в них личных своих благодетелей. Сверх того, что все запрещенное увлекает людей с слабым характером, Шевченко приобрел между друзьями славу знаменитого малороссийского писателя, а потому стихи его вдвойне вредны и опасны. С любимыми стихами в Малороссии могли посеяться и впоследствии укорениться мысли о мнимом блаженстве времен гетманщины, о счастии возвратить эти времена и о возможности Украйне существовать в виде отдельного государства. Судя по тому чрезмерному уважению, которое питали и лично к Шевченке, и к его стихотворениям все украйно-славянисты, сначала казалось, что он мог быть если не действующим лицом между ними, то орудием, которым они хотели воспользоваться в своих замыслах; но, с одной стороны, эти замыслы были не столь важны, как представлялось при первом взгляде, а с другой, и Шевченко начал писать

свои возмутительные сочинения еще с 1837 года, когда славянские идеи не занимали киевских ученых; равно и все дело доказывает, что Шевченко не принадлежал к украинославянскому обществу, а действовал отдельно, увлекаясь собственной испорченностью. Тем не менее, по возмутительному духу и дерзости, выходящей из всяких пределов, он должен быть признаваем одним из важных преступников».

На основании изложенного, шеф жандармов полагал, что «художника Шевченку за сочинение возмутительных и в высшей степени дерзких стихотворений, как одаренного крепким телосложением, определить рядовым в Оренбургский отдельный корпус, с правом выслуги, поручив начальству иметь строжайшее наблюдение, дабы от него, ни под каким видом, не могло выходить возмутительных и пасквильных сочинений».

Николай I, утвердив этот вывод, положил революцию: «под строжайший надзор с запрещением писать и рисовать». Вместе с тем «Кобзарь» был запрещен и изъят из продажи; цензорам, пропустившим его, был сделан строгий выговор, а киевскому генерал-губернатору предписано было сообщить, что бы он наблюдал, не осталось-ли в обращении стихотворений Шевченки...

ГЛАВА X.

В Оренбургских степях.

Шевченко увезли в Оренбург, где он провел несколько дней и, к своему удивлению, и тут нашел земляков, которые его посетили и постарались своим влиянием на месте облегчить, по возможности, положение ссыльного солдата.

Пятый линейный батальон оренбургского корпуса, куда был назначен Шевченко, был расположен в Орской крепости.

Страшная пустыня, окружавшая крепость, показалась Шевченке раскрытой могилой, готовою похоронить его за живо. Под'езжая к крепости, он думал: поют-ли здесь птицы? И готов был, Бог знает, что позакладывать, что не поют. При такой декорации возможно было только мертвое молчание, прерываемое тяжелыми вздохами, а не звучными песнями.

Крепость представляла собою обширную площадь, окруженную с трех сторон каналом, аршина три шириною, а с четвертой—рекой Уралом. В крепости, под горою с одной стороны—грязные татарские домики, с другой—инженерный двор с казематом для каторжников; против него длинное, низенькое бревенчатое строение с небольшими квадратными окнами—батальонные казармы.

Первое живое, что встретил поэт при в'езде в Орскую крепость, была толпа клейменных каторжников, исправлявшая дорогу в ожидании приезда корпусного командира. На площади маршировали солдаты...

Началась мучительная солдатская выучка, к которой Шевченко оказался совершенно неспособным, не смотря на угрозы розгами. К поэту относились, однако, сравнительно мягко потому, что друзья оказали свою протекцию. Благодаря этому на Шевченко не особенно налегали. Офицеры, по отзыву Шевченко, чрезвычайно низкого нравственного и культурного уровня, относились к нему, как к товарищу, но для этого поэту приходилось систематически поить их водкой, к которой и он пристрастился в этом проклятом Богом и людьми уголке России. Однако,

не смотря на это, поэт страдал на каждом шагу от упорного издевательства над ним со стороны всех властей.

В первое время у поэта не было книг для чтения, кроме Библии, но самым тяжким был запрет писать и рисовать. Это была утонченная, но величайшая мука, наложенная императором Николаем на поэта. Точно знал этот царь-жандарм, что оковы на вольную душу художника—творца—поэта являются хуже, постылее, страшнее смертной казни. Царь отдавал поэта на постоянную смертную казнь. Ежедневно у него родились образы, мысли; рука просилась писать, рисовать, а царский запрет убивал все эти вольные порывы души, умерщвлял все эти устремления духа, обрекая его на вечную тоску. Это была постоянная духовная смертная казнь.

Поэт вскоре после своего прибытия в Орск, начинает хлопотать о разрешении ему писать и рисовать. Десять лет нес Шевченко лямку солдата. Десять лет он просил и молил власти раскрыть ему уста, дать свободу связанным рукам. Несмотря на хорошие отзывы местного начальства, не смотря на большую и влиятельную поддержку в Петербурге, так в течение десяти лет Шевченко и не мог добиться этой милости, не получил элементарного права человеческого существа.

В 1848 году Шевченко был прикомандирован к экспедиции капитан-лейтенанта Бутакова, отправленного для описания Аральского моря. Экспедиция отправилась в Раимское укрепление, представлявшее собой единственную крытую камышем длинную казарму. Затем в течение двух месяцев Шевченко плавал по морю на шхуне «Константин» под начальством Бутакова, который обращался с злосчастным рядовым довольно хорошо. На Шевченко была возложена обязанность зарисовывать берега, что он и делал с

большим удовольствием: вдали от начальства он получил свободу рисовать, по крайней мере. А по окончании летней компании экспедиции пришлось зазимовать в Кос-Аральском форте, тоже трущобе, в которой Шевченко совершенно не получал писем. По завершенчи работ по экспедиции, по хлопотам того же Бутакова, Шевченко был прикомандирован к нему в Оренбург для работ «по отделке живописных видов, чего невозможно было сделать на море».

Шевченко рад был поразнообразить свою жизнь пребыванием в Оренбурге, в котором к тому же жил его друг Ф. М. Лазаревский. Здесь Шевченко встретили весьма радушно. Дружелюбно отнеслась к нему и колония ссыльных поляков. Но великая тоска грызла сердце поэта, и он в письме к В. Репниной из Оренбурга писал ей:

«Вы бы теперь не узнали прежняго глупо-восторженного поэта. Я стал теперь слишком благоразумен. Вообразите, в продолжении почти трех лет ни одной идеи, ни одного помысла вдохновенного. Проза и проза или лучше сказать,— степь и степь. У меня теперь почти нет ни грусти, ни радости, за то есть моральное спокойствие до рыбьего хладнокровия. Ужели постоянные несчастия могут так переработать человека? Да, это так. Я теперь *совершенная изнанка бывшего Шевченко.*»

А тут случилось на беду еще одно несчастие у Шевченко. Он имел неосторожность сообщить одному своему другу о том, что его жена, сообща с таким-то офицером, обманывает его. Этот офицер отомстил Шевченке: подал на него донос, сообщивши начальству, что Шевченко, вопреки высочайшему повелению, пишет стихи, рисует портреты и ходит в штатском платье.

Начальство, покровительствовавшее Шевченке, оказалось в затруднительном положении, так как боялось, что доносчик — офицер обратится и непосредственно в Петербург, лишь бы насолить Шевченке. Пришлось, однако, сделать обыск, поручив его другу же Шевченки. При обыске были найдены письма и рисунки, а сам Шевченко был арестован.

Началось следствие. Местные власти старались раздуть дело, чтобы оправдаться перед Петербургом. Но третье отделение, рассмотрев бумаги и рисунки Шевченки, не нашло в них никаких доказательств того, что Шевченко «продолжает прежний образ мыслей». Однако дело о ношении штатского платья еще продолжалось, и Шевченко все еще сидел в тюрьме. Наконец, начальство решило отправить его под строжайший надзор в Новопетровское укрепление, где Шевченке пришлось прожить целых семь лет...

ГЛАВА XI.

В Новопетровском укреплении.

Новопетровское укрепление было не лучше, если не хуже, Орска. Небольшая крепость граничила, с одной стороны, морем, а с трех остальных лежала мертвая степь. В укреплении было всего две роты солдат, человек 20 офицеров, священник, врач; всей интеллигенции, считая и купцов, было человек 40. Почта приходила только во время навигации, и полгода укрепление было совершенно отрезано от внешнего мира.

Здесь Шевченко попал под строгий режим. В течении полутора года ему не пришлось написать ни одного письма.

Непосредственным начальником Шевченки был капитан Потапов, бессердечный, грубый и необразованный капрал. Он преследовал Шевченко мелкими, но систематическими придирками, приставил к нему *дядьку*, который ежедневно обыскивал поэта, досматривая, что бы у него не оказалось карандаша, чернил или бумаги. В казарме дядька не выпускал Шевченко из поля своего зрения, все время следя за ним. Такие же обыски проделывал и Потапов у Шевченки перед фронтом, во время учения, и кроме того строго требовал от поэта той муштровки, к которой, как выше отмечено, он был совершенно неспособен.

«Сердце, бывало, трепещет, замирает,—вспоминал Шевченко эти годы,—а я, бывало, фабрю усы, надеваю мундир и иду на ученье пред лицом командира, а лицо у него красное с хмелю, и я должен был похоронить в себе всякое человеческое чувство, сделаться бездушным автоматом и молча, не краснея, не бледнея, выслушивать всякие нравственные поучения. Теперь смешно... но тогда было не до смеха»...

Положение было тем тягостнее, что переписка прекратилась с теми друзьями, весточками от которых наиболее дорожил поэт, например, с Лизогубом и В. Репниной. Но эти лица вынуждены были прекратить переписку. Когда по обыску у Шевченко нашли письма к нему В. Репниной и когда эта Репнина «позволила себе» обратиться к шефу жандармов Орлову с просьбой разрешить Шевченке писать и рисовать, шеф жандармов сделал княжне официальное внушение. Шеф признал участие княжны в судьбе поэта «неприличным по его порочным и развратным свойствам» и рекомендовал под страхом наказаний «не вмешиваться в дела Малороссии»... Лизогубу же соответственное внушение Орлов сделал лично, будучи

проездом летом 1850 года в Чернигове. Жандармы жестоко метили за оскорбление величества.

В 1852 году положение Шевченки немного изменилось к лучшему, благодаря переменам в личном составе высшего и местного начальства. Поэту позволили писать письма... К тому же был назначен новый комендант Усков, семья которого начала относиться к Шевченке чрезвычайно тепло. Тарас Григорьевич, который вообще страстно любил детей, привязался и к детям Усковой. Поэт даже влюбился было в Ускову. Усков затем перечислил Шевченко в нестроевые, благодаря чему поэт избавился от мук муштровки. А с 1853 года он нашел некоторое художественное утешение себе в том, что начал заниматься скульптурой.

Выпала и еще одна радость, маленькая, но все же радость для задыхавшегося в неволе изгнанника. Комендант разрешил ему развести сад, а в этом саду Шевченко устроил себе небольщую землянку, в которой тайно от людских взоров мог писать стихи. Но писать на родном языке он боялся и принялся, поэтому, за повести на русском языке. Усковым же сделана была попытка добиться разрешения Шевченке рисовать. И с этой целью он ходатайствовал о том, чтобы Шевченке было разрешено написать запрестольный образ в Новопетровскую церковь. Но даже и писание образа казалось жандармам преступным, и в ходатайстве было отказано. Оставалось только пить...

Умер Николай I. Воскресли надежды в сердце не одного только Шевченки. Он и друзья его стали нетерпеливо ожидать амнистии. Жена вице-президента академии художеств графиня Толстая первая начала хлопоты о нем

и известила об этом Шевченку, хотя не была с ним знакома. Хлопоты длились очень долго. Почему-то Шевченко был вычеркнут из первоначальных списков амнистированных: император - сын, повидимому, мстил за оскорбление отца. Наконец, после трех почти лет хлопот, Шевченко был помилован.

Об этом он получил частное известие, но официальное еще должно было пройти десяток инстанций и поэтому запоздало, к все увеличивавшемуся нетерпению поэта, рвавшегося на волю. Хуже всего было то, что всякие смотры в присутствии специально приезжавшего начальства сопровождались для полуосвобожденного Шевченки необходимостью вновь производить муштру и подвергаться всем унижениям официальных нотаций.

А почта не приносила официального указа, и в дневнике своем Шевченко пишет надрывающие душу строки о своих страданиях на пороге к свободе.

Наконец, 21 июля 1857 года официальная весть пришла... Но судьба ведь преследовала Шевченко и тут. Пришла эта весть в форме приказа об увольнении в отставку рядового Шевченки; на выезд же из укрепления Шевченко должен был получить установленный вид. Однако Усков рискнул выдать проездной билет на Астрахань, хотя формально он должен был отослать Шевченко в Оренбург за получением «отставки».

Неволя кончилась. Десять лет самого цветущего возраста провел в ней Шевченко. Взят он был в солдаты молодым, веселым, бодрым, с густыми русыми волосами, а вернулся через десять лет стариком, с седой бородой, лысый и с разбитым на всегда здоровьем. И творчество естественно померкло за эти годы. Муза Шевченки стала

никнуть. Прошли веселые пиры слов. Грязь жизнисменила их сплошным кладбищем. Шевченко был выворочен Николаем на изнанку...

ГЛАВА XII.

В Петербург и в Петербурге.

Из Астрахани Шевченко отправился пароходом в Нижний-Новгород. Путешествие это было для поэта чрезвычайно интересным. Он ехал с любопытными людьми, и здесь, на пароходе, среди пассажиров уже чувствовались веяния времени, и уже ходили нелегальные рукописные произведения. Но в Нижнем ждала его крупная неприятность: ведь это был Тарас Шевченко, над которым постоянно и безжалостно смеялась судьба.

В Нижнем выяснилось, что Шевченке запрещен в'езд в столицы и что он обязан явиться в Оренбург на жительство, «впредь до окончательного увольнения его на родину». Но начались новые хлопоты, новые заботы и новые страхи поэта пред грядущими испытаниями. Его друзья развили большую энергию. Шевченко официально заболел в Нижнем-Новгородеи должен был здесь жить полгода в ожидании результатов ходатайств...

В Нижнем Шевченко жил в среде интересной и интеллигентной и торопливо, как он признавался, старался восполнить те пробелы в знании текущей литературы, которые естественно образовались у него вследствии десятилетней ссылки. Ему с радостью удалось заполучить здесь нелегальные заграничные издания Герцена и встретиться с представителем декабристов Анненковым, с которым Шевченко,

по его словам, познакомился «благоговейно». Вообще декабристов Шевченко называл всегда не иначе, как «апостолами». Также называл он и Герцена. В Нижнем же были написаны Шевченко новые произведения на родном языке («Неофити») и др.

Большим счастьем для Шевченко был приезд в Нижний семидесятилетнего великого артиста Щепкина, который очень любил Шевченко. Этот приезд сыграл значительную роль в личной жизни Шевченки, который проникся восторженными похвалами Щепкина артистке местного театра Пиуновой, влюбился в нее и сделал ей предложение, мечтая, как всегда,—об этом Шевченко мечтал всю жизнь, — о тихом семейном уголке и тихом семейном счастьи... Но ведь это был Шевченко, а судьба над ним смеялась. Сватовство Шевченки было неудачным. Это было второе уже сватовство. Первый раз Шевченко сватался на Украине, в родных своих местах, к дочери священника Кошица, у которого в детстве он служил наймитом. И хотя девушка полюбила Шевченко, но родители не отдали дочь свою за бывшего крепостного слугу...

Пришло однако разрешение Шевченке жить в столицах, и неудачный жених уехал в Петербург. По дороге в Москве он виделся, между прочим, со своим старым другом В. Репниной. Но свиданье было холодным: десять лет ссылки, а, быть может, и новые общественные настроения разделили эти две души, когда то родные...

В Петербурге Шевченко встретил многих старых друзей и сделался, между прочим, постоянным посетителем семейства вице-президента академии художеств графа Ф. П. Толстого, который вместе с женой принимал горячее участие в хлопотах об облегчении участи Шевченки. В доме Толстых собирались представители литературы и иску

ства, а наголодавшаяся, исжаждавшаяся душа поэта нашла здесь свой отдых, покой и новую духовную пищу. В первый же месяц Шевченко перезнакомился со всеми представителями литературы. Его дружески приветствовали Бенедиктов, Мей, Полонский, Громека, Курочкин, Кавелин, Жемчужниковы и др.

Вместе с тем Шевченко начал усердно работать: он подготовлял нового «Кобзаря», занимался гравированием и мечтал об издании для народа дешевых, понятных и полезных книг на украинском языке и гравюр. В Петербурге в это время оживились толки о предстоящем освобождении крестьян. Мы знаем, как плохо верил Шевченко в благожелательность верхов власти по этому вопросу и как он вернее надеялся на отточенную «сокиру». И все вспоминания о Шевченко единогласно свидетельствуют, что поэт не мог равнодушно говорить о крепостном праве. Он буквально скрежетал зубами при упоминании о нём, и неистовствовал, допуская при этом такие выражения по адресу властей, которые пугали и неробких людей...

ГЛАВА XIII.

Опять на Украине.

Шевченке удалось в 1859 году посетить вновь Украину, видеть опять родные места, встретить старых друзей и— увы!—с болью в сердце повидать своих братьев и сестер, находившихся все еще в крепостном состоянии... И эта поездка оказалась не особенно благополучной. Ведь над Шевченко постоянно смеялась удьба. Мечтая приобрести себе клочек земли на родине Шевченко вел переговоры об этом со многими лицами. однажды он посетил с этой

целью Межиречье и провел время в кампании, среди которой оказался некий пан Козловский, которому не понравились речи Шевченко и который затеял богословский диспут. Вероятно, Шевченко отвел свою душу резкостями по адресу служителей Бога—слуг земной власти—и рассерженный шляхтич сделал донос жандармскому офицеру и исправнику. И когда Шевченко возвращался с завода Семиренко, с которым сошелся и подружился, он был арестован и отправлен в Киев.

Однако киевский генерал-губернатор Васильчиков посмотрел здраво на это дело, прекратил его и посоветовал Шевченке возвращаться поскорее в Петербург, где «люди развитые и не придираются к мелочам из желания выслужиться пред начальством». В Киеве все же Шевченко был поручен надзору жандармского офицера. После свиданий с несколькими друзьями, в том числе с Сошенко и Тарновским, Шевченко поспешил обратно в Петербург.

И хотя Украина и на этот раз приняла его в лице всяких шляхтичей и жандармов несправедливо, тем не менее Шевченко не оставлял мысли о покупке земли на берегу Днепра, чтобы здесь окончить свои дни...

Но все старания в этом направлении не приводили ни к чему. Земли, в силу разных причин, а в том числе и в силу административных препон, приобрести не удалось. Таково уж было счастье и судьба Шевченки.

ГЛАВА XIV.

Последние годы жизни.

Работа художественная и поэтическая шла вяло у Шевченки. Точила мысль о болезни, о родине, на которой

хотелось умереть, и более, чем когда-либо, Шевченко чувствовал себя одиноким и брошенным. И теперь, на старости лет, страстно вспыхнуло в нем давнишнее желание во что бы то ни стало жениться и создать, наконец, себе тихое семейное счастье. Как мальчик, мечтал Шевченко о своей женитьбе, прося и умоляя своих родных, друзей и близких людей оженить его и подыскать подходящую невесту, всецело полагаясь на их вкус.

Но ведь это был Тарас Шевченко, которым судьба играла, как кошка с мышью. И, конечно, все старания в этом направлении старого уже человека,—постаревшего не столько годами, сколько испытаниями жизни и трагическими передрягами,—не привели ни к чему или, вернее, привели к новым страданиям и испытаниям поэта, и без того щедро вознагражденного судьбой изобильным „лихом".

Сватался он и к батрачке своего родственника, В. Шевченки, Харитине или, как нежнее называл ее Шевченко, к Харите. Думал, что наймычка не откажет ему, окрылился, поэтому, надеждой и в благодушном и радостном предвкушении счастья написал прекрасную поэму «Мария».

Сватался он и к горничной Лукерье, служившей у сестры жены Кулиша—Забелиной в Петербурге. Лукерья приняла было предложение Шевченки, переехала даже на новую квартиру в ожидании свадьбы, но дело опять расстроилось и все кончилось крупным разрывом, в котором Шевченко вел себя до крайности резко.

Личная жизнь—дело личное, а общественных дел Шевченко никогда не забрасывал. Он не даром выражал сожаление, что поэту нельзя оставаться только поэтом, а приходится непременно быть и гражданином. В Петербурге и теперь, когда повеяло возможностью большей свободы печати, вновь воскресла мысль о необходимости издания

журнала на украинском языке. Но проект издания журнала «Хата» пришлось оставить, потому что шеф жандармов не разрешил издания. С изданием «Кобзаря» дело устроилось несколько лучше, хотя волокиту пришлось вынести большую. Благодаря министру народного просвещения Ковалевскому разрешение на «Кобзаря» было дано. Материальной части издания помог богатый Семиренко.

Оживилась и работа в области народного образования. Началось усиленное насаждение воскресных школ, понадобились для этого силы и средства, и украинцы основали для этого в Петербурге свою «Громаду», «в целях развития украинского слова». Начал составлять Шевченко и народные книжки. Составил букварь, который широко распространил на Украине, и предполагал выпустить целый ряд маленьких дешевых учебников и полезных книг.

Однако еще одна рана сочилась в сердце Шевченки. Сам свободный, он не мог не страдать от мысли, что его родные и близкие томятся в крепостном «пеклі» —в аду. И он, не видя никаких иных путей, решил обратиться за помощью к гласности. В журнале «Народное Чтение» Шевченко поместил в форме письма свою автобиографию, в конце которой доводил до сведения русского общества, что братья и сестры поэта—до сих пор крепостные... Находились они во власти помещика Флерковского.

Делом этим занялось возникшее только что «Общество для содействия русским литератором и ученым». Комитет общества под председательством Е. П. Ковалевского при участии в заседании Тургенева, Галахова, Дружинина, Дудышкина, Заблоцкого, Краевского и Чернышевского, постановил обратиться к рабовладельцу Флерковскому с просьбой «освободить родственников поэта Шевченки из уважения к литературе вообще и в частности к заслугам Тараса

Григорьевича, приобревшего видное место в современной литературе». Комитет писал, что Шевченко готов даже внести за своих родных выкуп.

Флерковский ответил, что он готов исполнить желание комитета, но отпустить Шевченок на волю он может только без земли. И поэтому он требовал, что бы Шевченки оставили немедленно свою деревню Кирилловку. Шевченки от такой свободы, ожидая общего освобождения с землей, отказались, о чем Флерковский тоже уведомил комитет. Затем Флерковский смягчил условия и дал отпускную, приняв на себя причитавшийся на Шевченок долг банку в размере 900 р., но опять таки без земли. Вскоре, однако, последовало общее освобождение крестьян, и так как сделка с Флерковским еще не была утверждена, то Шевченки получили впоследствии и волю, и земельный надел.

Получило хороший толчек и дело издания журнала «Основа», но Шевченко уже начал угасать. В последние месяцы Шевченко, под влиянием различных неудач, сильно пил и в результате тяжко заболел. Новый 1861 год он уже не мог встретить с друзьями, праздновавшими разрешение «Основы», и лежал прикованный к постели. Началась водянка. Смертный исход был предрешен врачами.

19 февраля Шевченко ждал манифеста об освобождении крестьян. Узнав, что никакого манифеста не издано, он произнес, по обыкновению, несколько крепких слов, по-видимому, по адресу царя, закрыл лицо руками и горько заплакал.

26 февраля был день рождения Тараса Шевченко. После больших нечеловеческих страданий он умер, прожив сорок семь лет.... Манифеста о воле он не дождался.

Его похоронили торжественно при массе народа 28 февраля, а 26 апреля тело его было вырыто и отправлено на Украину согласно его «заповіту». Похоронен он около Канева, на Чернечей горе (теперь она называется «Тарасовой горой») около Днепра. Могила на первых порах, конечно, не была устроена. Но как только начались работы по приведению ее в надлежащий вид, как вспыхнуло новое жандармское дело...

Такова уж судьба Тараса Шевченко: всю жизнь его преследовали, как тени ада, жандармы и иные насильники. Не оставили они в покое и бездушного тела поэта.

Один из польских помещиков Парчевский, не пожелавший продать ранее землю Шевченке, но оказавшийся теперь невольно ближайшим соседом могилы его, сделал донос о существующем в Каневе заговоре против помещиков, в котором участвуют последователи Шевченки. Этот дикий помещик на дознании заявил затем, что в предместьи Канева проживает крестьянин, музыкант Гриць, о котором молва говорит, что он воскрес чрез шестнадцать лет после своей смерти! Он-то, по словам Парчевского, бродит по окрестностям Канева, подымая народ, а главное пребывание имеет на могиле Шевченки, где собираются все заговорщики.

Каневский предводитель дворянства, Янковский, в свою очередь, посылает губернскому предводителю дворянства официальную бумагу, чрезвычайно характерную для настроения тогдашнего дворянства пред освобождением крестьян и для популярности имени Шевченки в населении.

Каневский предводитель дворянства сообщает, что в Каневе упорно говорят о готовящейся резне (или как он выражается, «рези») помещиков и евреев. Для резни имеются освященные (воспетые Шевченкой в «Гайдамаках»

ножи, зарытые пока в могиле Шевченки. Могила Шевченки по словам предводителя, служит как бы знаменем для объединения всех, кто хочет повторить теперь Гайдамачину. Друзья Шевченки раз'езжают по деревням, читают сочинения Шевченки, популяризируют воспетых ими Зализняка и Гонту и проповедует «резь», как «святое и священное дело».

«Тело Шевченки,—продолжает дальше каневский предводитель дворянства,—погребено столь торжественно, восторг для него возбужден с таким искусством и с такою ревностью, что народ толпами собирался на его могиле; идущие на богомолье в Киев люди приходят сюда, по дороге, как к священному месту, почитают Шевченко как бы народным пророком своим, а каждое его слово—завет для народа. Видя в его сочинениях, что резь священными ножами изображена делом, составляющим славу здешнего народа, легко можно себе представить, какими чувствами одушевляются в этом месте прохожие».

В заключение каневский предводитель дворянства просит удалить из уезда пропагаторов Гайдамачины, воспретить продажу произведений Шевченки, поставить военную силу для предупреждения бунта и разрыть могилу Шевченки, что бы убедить народ, что никаких священных ножей быть не может...

Два месяца длилось дознание, которое привело генерал-губернатора Васильчикова к выводу, что «все дело заключается в пустом страхе и неосновательных опасениях, навеянных слишком пугливым воображением польских помещиков и евреев».

Могилу батьки Тараса, к счастью, жандармы не разрывали, к огорчению шляхтичей и их попыхачей...

ГЛАВА XV.

Творчество Шевченки.

Редко к кому из поэтов можно приложить с наибольшим основанием и правом наименование «национального» и «народного поэта». Шевченко обладал редчайшим талантом перевоплощения в народного певца и в свою очередь коллективное поэтическое народное творчество он перевоплощал в индивидуальное с яркою печатью своей личной одаренности.

Народ и его творчество это—Шевченко. И Шевченко—это украинский народ и его творчество. Они слились неразрывно. И на Шевченке мы видим, быть может, современное отражение того таинственного процесса коллективного народного творчества, которое в глуби веков создавало народные песни, мифы, сказки, былины, саги, «слова». Гомер Украйны пред нашими глазами. В дали времен на творчестве такого Шевченко народ созидал свое общее творчество и прилагал свой коллективный гений к личному творчеству единицы.

Нежность лиры Шевченки, ее тихость, когда он касается интимных человеческих чувствований и переживаний, ее ласковость, ее мягкость и деликатность ставят его высоко, как лирика. Какими глубокими, утонченными восприятиями надо обладать, чтобы воспеть такую простейшую картину жизни:

Садок вишневий коло хати,
Хрущі над вишнями гудуть,
Плугатарі з плугами йдуть,
Співають ідучи дівчати,
А матери вечерять ждуть.

Семья вечеря коло хати;
Вечірня зіронька встає;
Дочка вечерять подає....
А мати хоче научати,
Так соловейко не дає,
Поклала мати коло хати
Маленьких діточек своіх,
Сама заснула коло іх.
Затихло ьсе... Тілько дівчата
Та соловейко не затих.....

И это нежнейшее, чудеснейшее произведение Шевченко написал—где же?!—В цитадели Петропавловской крепости!

А вот и другой образец того же нежнейшего лиризма;

Поставлю хату и кімнату,
Садок-райочок насажу;
Посижу я и похожу
В своій маленькій благодаті,
Та в одині-самотині
В садочку буду спочивати.
Присняться діточки мені,
Веселая присниться мати,
Давне-колишній та ясний
Присниться сон мені.... і ти!...
Ні, я не буду спочивати,
Бо-й ти приснишься! У малий
Райочок мій з-під-тиха
Підкрадешся, наробиш лиха,
Запалиш рай мій самотний....

Таким же нежным, но то сочувствующим, то негодующим Шевченко является, когда поет о матери, о детях, о покрытках-девушках-матерях и незаконнорожденных детях-байстрятах, о наймычках. Для Шевченки слово «мамо»—«великое, найкращее слово». А дети—«велика Божа благодать». Женщину всегда Шевченко представляет себе,

как рыцарь-обожатель, и в «Матери» он достигает красивого пафоса в этом преклонении пред женщиной. Горьким негодованием дышет его стих, когда он говорит об обманутых женщинах и негодяях мужчинах, которые бросают на произвол судьбы обольщенных ими женщин.

Таким же нежным мы видим Шевченко и в моменты, когда он описывает свою любимую Украйну. Краски его становятся теплыми, уютными; от них веет негой и прелестью украинской природы, тихостью вишневых садочков, яркостью зеленого гая, ласковостью ветра, точно переживающего человеческие чувства. Поэт сливается с природой так, как сливается с теми несчастными, которых он рисует и воспевает, и в этом сила его народного поэтического дара: народные певцы именно такими и должны быть...

О политической и общественной стороне поэзии Шевченко и об его революционных поэмах о прошлом Украины мы говорили выше. Суммируя все сказанное, мы видим Шевченко, как многостороннего певца своей родины, которую он представил нам в современной простоте нравов, в современных ему ужасах деспотического уклада и в ярком ослепительном свете прошлого, в котором было так много героической борьбы за свободу.

В периоде самодержавия народное самобытное поэтическое творчество должно было понижаться и иссякать. Шевченко пришел на Украину точно во время. Он поднял упавший дух народного творчества. Он взял на свои плечи общенародную кобзу. Он продолжал дело народного творчества, сливаясь с ним. Он дал Украине право и обязанность понять самое себя, оглянуться, увидеть весь позор национального унижения и порабощения, отсутствия национального достоинства и самоуважения.

До Шевченки не было украинской литературы настоящего индивидуального творчества. Совершенно справедливо Шевченко замечает, что прославленная «Энеіда» Котляревского — «добра, а все таки сміховина на московский шталт».

Шевченко указал пути народного возрождения в области художественного творчества. Он звал украинский народ к свободе и самостоятельности, к внутренней работе над собой, к самоусовершенствованию. Болея муками и болями своего народа, он бросал ему и гневные упреки, в особенности за измену сынов Украины своей родине.

Шевченко любил называть всех деятелей освобождения— «апостолами». Несомненно, и сам Шевченко был именно апостолом Украины. Он дал ей новое, претворенное в национальном горниле старого, слово и поставил его нам страже украинской национальности.

Воскресну нині, ради іх,
Убогих, нищих... Возвеличу
Малих оттих рабів німих:
Я на сторожі коло іх
Поставлю *слово !*

И слово такое Шевченко поставил.

Он был замучен жизнью, которая представляется нам непрерывной вереницей страданий. На каждую радость судьба посылала ему бездну терзаний и мученичества. Можно сказать, что на атом радости доля отпускала Шевченке тяжко давившие горы мук. И все же он доблестно прожил свою жизнь. Знамен не уронил, не опозорил, не сдался пред великими мира сего и донес до могилы веру в свою родину, в свой народ и великую любовь ко всем обиженным, несчастным, обездоленным. Демократ

всегда, везде и всюду, при всех личных условиях жизни, прихотливо менявшихся и трагически ломавшихся, Шевченко остался верен самому себе до гроба...

Страшно впасти у кайдани,
Умірать в неволі;
А ще гирше-спати, спати
И спати на волі.

Шевченко не спал. Да и какой сон мог быть у этого страдальца?

Тихо покоится теперь тело Шевченки на Тарасовой горе около Днепра. Батько Тарас взирает на свои родные места и картины. Радуется-ли он теперь или опять «тихесенько лье пісни—сльози?»

Мир ему и слава во веки веков. Аминь.

БЫЛОЕ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ.

Издание возобновлено с 1 июля 1917 года.

В 1917—1918 году вышло 13 №№

14-ая книга печатается.

В виду все растущей дороговизны типографских материалов, бумаги и оплаты труда, редакция лишена возможности заранее назначить подписную плату и находит себя вынужденной отказаться от об'явления подписки.

Номера журнала, начиная с № 13-го, поступают в розничную продажу и подписка на них не принимается.

Адрес редакции и конторы издательства «Былое» — Петроград, Литейный пр. 21. Телеф. 26-69. Редактор принимает по вторникам от 4 до 5 час. дня.

Редактор **П. Е. Щеголев**.

БЫЛОЕ
ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА.

ВЫШЛИ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ:

Из серии „1 марта 1881 года".

Геся Гельфман. Биографический очерк **В. И. Иохельсона** съ приложением показаний и заявлений Геси Гельфман. Цена 1 руб. 20 коп.

Из серии „Рабочие социалисты".

Жизнь русского рабочего полвека тому назад. Записки рабочего-социалиста **Василия Герасимова.** Цена 1 руб. 50 коп.

Из серии „Накануне русской революции".

Зинаида Жученко. Из воспоминаний **А. В. Прибылева.** Цена 2 руб. 75 коп.

Из серии „Революции Запада".

Революционный трибунал в эпоху великой французской революции. Воспоминания современников и документы. Редакция **проф. Е. В. Тарле.** Ч. 1-я. Цена 6 р. 50 к. Ч. 2-я печатается.

Н. П. Ашешов. Тарас Григорьевич Шевченко. Его жизнь и деятельность. Цена 2 руб. 50 коп.

П. Е. Щеголев. Николай I и декабристы. Очерки. Цена 8 руб.

Следующие книги „Исторической Библиотеки" печатаются и готовятся к печати.

Редакция „Исторической Библиотеки"-ПТГР. Литейный пр., 21, кв. 16.

Издательство
БЫЛОЕ
2 р. 50 коп.
ПЕТРОГРАД.